

Куда уводят тропы

GalinaSol

5 сентября 2013 г.

Солнышко светит, травка блестит каплями недавно прошедшего дождя. Казалось бы, живи да радуйся? Хорошо бы, да тебе судьба в жизни радости мало отсыпала, а на сегодняшний день, похоже, и крошки счастья не пришлось... У отца из голубятни улетел какой-то там трижды заморский синекрыл, купленный по случаю за невиданные деньжищи. Соседка подсказала, что вроде как в лес улетел, на солнечный восход. Вот отцу и втемяшилось в голову погнать тебя на поиски. Вот тебе хлеб на приманку, веревка на силок — и ступай!

Да только ветра в поле скорее сыщешь, чем синекрыла в лесу, поэтому на душе у тебя кошки скребут. Вернешься с пустыми руками — отец спуску не даст.

Он ведь с тех пор, как мать в горячке померла, сам не свой стал, только о голубятне ее и заботится, сам птичником стал хоть куда, а сына родного и видеть не хочет, а когда видит — лущует почем зря... Да как лущует - иной раз и не поймешь за что, просто ухватит за шиворот и в сарай тащит. И бьет там первым, что в руку попадет, молча, размеренно, будто не сына родного охаживает, а полено тешет. Иногда тебе думается, что если он ненароком топор схватит, то и топором бить начнет, да не обухом, а остриём - не остановится...

[Дальше.](#)

Одним словом, и не идти нельзя, и в лес шагать радости мало. После дождя солнце стало жарить пуще прежнего, парит почище, чем в бане. Небось, зверье все от жары по норам попряталось, да они летом и так не голодают, на человека не нападут. А вот разбойников можно повстречать... А самое худое, что и оборотни в последнее время лютуют, двоих детей уже с начала солнцеворота недосчитались на деревне. Толкуют, будто подстерегают они детей в лесу и на клочья рвут, так что и следа от них не остается. Другие бают, будто морочат они детям голову сладкими речами, опаивают их сонным зельем, да в свои чащобные города уводят на вечное рабство. Иные говорят, конечно, мол, бабьи сказки все эти оборотни, детишки сами заплутали да дороги взад не нашли, но кто ж всю правду-то знает?..

[Дальше.](#)

Ладно, ворчи-не ворчи, а идти надо. Не искать, так хоть вид сделать. Может, пару перьев и найду, хмыкаешь ты про себя, шагая по деревне к околице и постреливая глазами туда-сюда: вдруг клятый голубь ни в какой лес не улетал? Голубя не увидел, а стайку мальчишек у тына заметил.

Ты подходишь ближе.

Ты идешь к околице.

Пойдешь-ка ты лучше своей дорогой. Если вдруг отец из дома выглянет и заметит, что ты еще и за ворота не выходил, мало не покажется.

[Выходишь за околицу.](#)

Подходишь поближе. Парой слов перекинешься и дальше себе в лес пой-
дешь.

[Дальше.](#)

Но стоит тебе подойти, и ты понимаешь, что парой слов тут не обойдется. Четверо мальчишек окружили пятого — сына деревенского молельщика. Ты не знаешь, что случилось, но догадываешься, что Мартел, записной зубоскал, опять дошутился — с ним это бывало нередко, а вот что бывало редко, так это чтоб он ходил, не почесывая на ходу парочку синяков.

Можно бы подойти и попробовать его выручить, но ведь если не повезет, могут и тебя побить, с ним за пару, да так, что к вечеру только очухаешься. А вечером еще и отец добавит. Да и с Мартелом вы не сказать что закадычные приятели.

[Дальше.](#)

Стыдно оставлять человека в беде. Не мог он сморозить что-то такое, чтоб заслужить трепку от четверых сразу.

[Дальше.](#)

Разворачиваешься и идешь напрямик за околицу, пока тебя не заметили.
[Дальше.](#)

Ты подходишь к мальчишкам и громко интересуешься:

— А вы точно управитесь, вчетвером-то с одним? Те напуганно оборачиваются, но, разглядев тебя, понимают, что бояться нечего. Ну да, драться ты не больно мастак. Главный деревенский задира, Иргус, лениво спрашивает:

— А хоть бы и не управились, тебе-то что? Или хочешь батьку своего кликнуть, чтобы пособил? Он, небось, только рад будет..

Ты чувствуешь, как щеки начинают гореть. Конечно, вся деревня знает, что отец тебя колотит почем зря, но лишний раз об этом напоминать — это ж ни в какие ворота!

Слова Иргуса сбили с тебя весь задор, ты прячешь глаза от Мартела, понимая, что ничем не можешь ему помочь, и торопливо уходишь прочь...

[Дальше.](#)

Слова Иргуса тебя здорово разозлили, ты сжимаешь кулаки и готовишься к драке.

[Дальше.](#)

Иргус озадаченно смотрит на тебя, на Мартела — и вдруг отходит в сторону.

— Оборотень с вами обоими, охота была мараться... Айда на речку, ребята, что с ними возиться!

[Дальше.](#)

Вы с Мартелом смотрите друг на друга.

— Спасибо, — говорит тот. — А я уже думал, ты так и уйдешь, меня не увидишь. Я-то тебя издали приметил. Куда идешь?

Ты быстро рассказываешь о поручении отца и порываешься идти дальше — и так времени потеряно немало.

Мартел слушает — и глаза его расширяются от страха:

— В лес? Там же волки! И даже... оборотни! Погоди-ка! — он начинает торопливо отвязывать что-то с рукава. — Я тебе оберег надежный дам от всякого зверья, его батька заговорил! Ты, если волков или медведя увидишь, сожми его в руке и крикни: «Прочь!». Они и убегут. Только верни, как обратно придешь, ладно?

[Дальше.](#)

Ты пожимаешь плечами (в глубине души ты подозреваешь, что хваленый оберег — просто камушек на веревочке, который молельщик дал трусоватому сыну просто для храбрости, чтоб в лес ходить не боялся), но почему не взять? Невелик груз. Благодарно улыбаясь, Мартел привязывает оберег на край твоего рукава.

[Дальше.](#)

А теперь, наконец, можно и идти из деревни.
[Дальше.](#)

Ты выходишь за ворота и недолго идешь по тележной колее, которая уходит далеко-далеко и ведет в город, на ярмарку. Когда-то давно отец тебя туда возил частенько, но когда это было... Тогда еще мать была жива. Вот она-то ни за что не погнала бы тебя в чащу за какой-то глупой птицей, пусть хоть из чистого золота. А если б все-таки большая нужда была в лес идти — пошла б с тобой вместе, по дороге бы сказки рассказывала, с собой бы пирогов напекла...

Погрузившись в грустные мысли, ты сам не замечаешь, как приходишь до того места, где от большака отделяются узкие дорожки и уходят в лес.

Их всего две, да и те изрядно подзаросли, хотя протоптанные стежки так легко траве не поддаются. [Дальше](#).

Ты ненадолго останавливаешься поразмыслить. Одна дорожка ведет к домику, где живет травница, малость выжившая из ума старушка, от которой никогда не знаешь, чего ждать, может, приветит, совет какой даст, а может и кочергой приголубит. [Идти к травнице.](#)

Вторая ведет через цепь полянок и овражков, где можно найти ягоды, грибы... и медведя, который тоже до всего этого охотник. Хотя, в такую жару, небось, даже медведь спит где-нибудь, вечернего холодка дожидается... А ведь по ней явно кто-то недавно шел, вот совсем недавно — примятые травинки на глазах разгибаются. Можно попробовать догнать да спросить, не видали ли синекрыла. Бояться тут нечего, наверняка кто-то из деревенских, чужие так близко к тыну средь бела дня шататься не станут, разбойничье время — сумеречное. [Идти по второй тропке.](#)

Надеясь на удачу, ты решаешь отправиться к травнице. Когда она в разуме, она такая ласковая, добрая... Совсем как матушка... Ты не даешь себе снова пуститься в грустные раздумья и вскоре приходишь до маленькой заметно покосившейся избушки-пятистенка. Кажется, что с тех пор, как ты был тут в последний раз, она накренилась еще сильнее. Иногда ты всерьез раздумываешь, кто кого переживёт: травница избушку или избушка травницу? Доносящиеся из домика грохот и громкий крик приводят тебя в чувство. Что кричит старуха, не разобрать, но голос у нее ох какой недобрый.

Похоже, хорошего сегодня ждать не приходится, решаешь ты и поворачиваешь назад. Ты возвращаешься к большаку. [Уходишь](#).

Подойду загляну в окошко одним глазком, решаешь ты и тихонько подкрадываешься поближе. [Дальше](#).

Картинка, которую ты видишь в окошке, заставляет тебя улыбнуться: раскрасневшаяся старушка с воплями и проклятьями гоняет метлой по комнате жирного кота. Из воплей становится понятно, что и без того разъявшийся Мурлыка опять забрался в кувшин со сметаной. Ты даже не пытаешься сдерживать смех. Травница оборачивается к окошку — и тоже расплывается в улыбке. Она останавливается, опирается на метлу, пытаясь отдышаться — и манит тебя войти. Ты понимаешь, что ей явно было не до того, чтоб высматривать в небе синекрылов, да и пирогами в избушке не пахнет...

...и вежливо отказываешься. [Дальше](#)

...но почему б не заглянуть на минутку? [Дальше](#)

— Да я так, мимо пробежал! Доброго здоровьица вам, бабушка!

Она кивает в ответ и идет наводить порядок, а ты поворачиваешь назад и возвращаешься к большаку. **Уходишь.**

Ты заходишь внутрь и узнаешь все, что старушка думает о своем коте, ах он такой-сякой-разэдакий, чтоб ему ни дна ни покрышки, чтоб ему пусто было, чтоб ему... да ладно тебе, полосатенький, не дуйся, иди сюда, еще молочка налью.

Ты усмехаешься про себя, но отчасти и завидуешь котяре: хорошо, когда тебя любят — а потом в свою очередь рассказываешь, что за нужда погнала тебя в лес.

[Дальше.](#)

Травница внимательно выслушивает и качает головой. Синекрыла она, конечно, не видела.

— А как ловить будешь, если найдешь? — вдруг спрашивает она.

— Да просто: силок приспособлю, крошек накрошу...

— Да уж, просто. Простовато даже, — усмехается она. — Дай-ка я тебе пособлю чуток, а то ведь спустит с тебя отец шкуру... Она отходит в угол и недолго роется в одном из своих бесчисленных сундуков.

— Вот, держи сетку, ей ловить сподручнее. Только верни потом, не забудь. Ты благодаришь старушку и торопишься идти дальше. Ты возвращаешься к большаку и сворачиваешь на вторую тропинку. [Дальше](#).

Ты торопливо идешь по второй тропинке, надеясь, что те, кто шел здесь до тебя, ушли не слишком далеко. В лесу солнце не так палит, как на дороге, ты немного веселеешь и начинаешь мечтать. Мечтаешь ты о ручном волчонке, давняя думка, заветная. Ты б с ним и в лес на охоту ходил, и отцу б он тебя в обиду не дал, и в доме б, глядишь, повеселее стало. В последнее время он даже начал тебе сниться, хорошие сны, легкие, даже просыпаться жаль... Задумавшись, ты как-то забываешь о том, зачем пришел в лес и даже перестаешь смотреть по сторонам и вглядываться в кроны деревьев — не мелькнут ли синие перья? Ты рассеянно шагаешь по тропке... [Дальше](#).

...и приходишь до развилки. Направо будет дикий малинник, тропинка налево тебе тоже знакома — она уводит через ольшаник, ведет вдоль болотца, и в конце концов приводит к деревне Лопушки. До деревни, правда, ноги стопчешь, пока дойдешь. Ты пойдешь...

Налево.

Направо.

Ты доходишь до кустов малины и осторожно идешь по тонкой стежке, стараясь поменьше оцарапаться и положить в рот побольше ягод. Вдруг ты замечаешь, что за дальним кустом кто-то шевелится. Ты радуешься, что быстро нагнал тех, кто оставил на тропке свои следы, и громко окликаешь:

— Эй, человеке! Не подскажешь, тут синекрыл не пролетал?

Но на твой голос из куста поднимается медведь... [Дальше](#).

Да не просто медведь, а матёрый стервеник. Когда он поднимается во весь рост, ты с замиранием сердца замечаешь на его передней лапе опоясавший ее след от рваной, плохо зажившей раны. И ребенок поймет, что такую рану мог нанести только капкан. Этот медведь знает людей и ненавидит их, так что он охотно закусит малину человечинкой.

Если у тебя есть сетка, то [Дальше](#).

Если есть оберег, то [Дальше](#).

Если ничего нет, то можно попытаться убежать [Дальше](#).

Должно быть, ты совсем ополоумел от страха, если решил, что медведя можно остановить птичьей сеткой. Но удача дураков любит: сетка захлестывается на морде зверя в узел, и пока тот, рыча, раздирает крепкие просмоленные веревочки, ты успеваешь убежать. Эта дорога тебе заказана, придется вернуться к развилке и свернуть налево. [Дальше](#).

Зверь подходит уже совсем близко, когда ты вспоминаешь про данный тебе Мартелом оберег. Стиснув камушек в кулаке, ты кричишь, задыхаясь от ужаса:

— Прочь!

Медведь останавливается, будто наткнувшись на камень. Он скулит от ужаса, словно малый лончак и бежит прочь прямо сквозь трещащие кусты. Ты не веришь своим глазам, но приходится. Ты смотришь на камушек с уважением — стоящая вещица. Надо будет поблагодарить Мартела. И все же ты не решаешься идти дальше сквозь малинник: вдруг медведь скоро опомнится да вернется? Тебе придется вернуться к развилке и свернуть налево. [Дальше](#).

Ты пытаешься убежать, но медведи только кажутся неповоротливыми, они ловки и проворны. Мохнач быстро настигает тебя. Один удар тяжелой лапы — и все кончено. Твой отец больше не увидит ни синекрыла, ни сына...

КОНЕЦ

Ты некоторое время идешь по левой тропинке и вдруг замечаешь впереди человека, он неподвижно стоит чуть в стороне от тропки, прислонившись к дереву, поэтому ты не сразу его увидел. Ты ускоряешь шаг и окликаешь его. Он поворачивает голову в твою сторону, и тебя охватывает тревога — этот парень не из деревни, ты никогда его не видел! Он, похоже, не замечает твоих сомнений и подзывает к себе. Но ты решаешь, что от чужака добра ждать не приходится, разворачиваешься и пускаешься [наутек](#).

Но далеко убежать тебе не удастся. Ты чувствуешь тяжелый удар по затылку... Последнее, что ты видишь, перед тем, как погрузиться в темноту — перекошенное от гнева лицо незнакомой тебе девушки... [Дальше](#).

Голова трещит, перед глазами плавают черные круги. Перед закрытыми глазами. Ты быстренько зажмурил их, как только открыл, ведь первым, что ты увидел, были два уже знакомых незнакомца. Ты счел за лучшее для начала послушать, о чем они говорят, а потом уже что-то делать. Судя по всему, девушка костерит парня на чем свет стоит, а тот смущенно отнекивается и отмекивается.

— Ах ты лонжак поганый! Что ж ты ему сразу голову не проломил, а? Для верности, так сказать, чтоб уж вовсе никуда не убежал? Придержать-то ума не достало, а? Поговорил бы с ним спокойно, а тут бы и я подошла, мы бы и...

Непонятно, чем ты себя выдал, но она вдруг оборачивается:

— Ага, опомнился. Ну и славно! [Дальше](#).

Ты понимаешь, что притворяться дальше бесполезно и открываешь глаза. Бежать бы надо, да голова до сих пор кругом идет, к тому же, раз от одного не убежал, с двоими точно не справиться. Ты настороженно ждешь, что будет дальше. Девушка начинает торопливо говорить, парень виновато кивает и поддакивает.

— Ты прости моего братца, дурня лопаухого! Он тебя за разбойничьего вестуна принял, решил, что ты за своими дружками побежал, да с перепугу и кинул в тебя флягой... Я отошла-то на чуток в кустики, возвращаюсь — а тут такое побоище. Я этому полуумку и говорю, ты что ж делаешь, глаза, что ли, повылазили, это ж сынок Тагнесов, мы когда у него на прошлой ярмарке сизошеек вестовых торговали, он все рядом вертелся да ныл, мол, пусти да пусти погулять... — Она явно не знает, что еще добавить, умолкает и огорченно смотрит на тебя. Ты переводишь дух: может, и впрямь не лихие люди. Да и парень явно смутился, глаза прячет.

— А вы-то сами кто? [Дальше.](#)

— Меня Аккой зовут, а его Волегом, птичники мы из Лопушков. Не узнал, да? Ну да ты на нас и не смотрел, все по сторонам больше зыркал. Видно, не балует тебя батька, редко с собой берет на торжище, а?

— Не помню. И не больно вы похожи на брата с сестрой, — ты уже почти веришь ей, но еще злишься — голову так и ломит. К тому же до Лопушков два дня пути, что их сюда-то занесло? А отцово имя вызнать невелик труд.

— Верно подметил, я в батьку, он в мамку пошел, даже волосы разные. Зато глаза одинакие, мамкины, цвета старого меда! — улыбается Акка. Похоже, она гордится своими глазами. Цвет и впрямь необычный, но красиво.

— Как голова-то, не шибко болит? — вдруг вступает Волег. — А то глотни чуток, у меня как раз взвар хороший с собой припасен, боль и снимет. Только смотри — не больше пары глотков — сильный он больно, — и протягивает тебе флягу, похоже, ту самую, которой он в тебя запустил.

[Дальше.](#)

Ты берешь ее и принохиваешься. В нос шибает такой сильный запах трав, что на глазах мало не слезы выступают. Ты...

...уважительно переводишь дух - духовитое какое зелье! Видать, и впрям действенное. Нет, ты конечно выпьешь, только отдышишься сначала чуток, да и нос зажать не лишним будет... [Дальше](#).

...вдруг вспоминаешь, что рассказывают про оборотней: «опаивают детей зельем и уводят с собой». А может, эти двое и есть оборотни? Уж больно приветливые да ласковые. Ну их к лешему, пусть сами пьют! [Дальше](#).

Волег, видимо, толкует твои колебания по-своему:

— Что, боишься, отравим? Ну-ну, я б тоже поостерегся такое пить. Пахнет зверски, а? Ладно, давай.

Он берет, отпивает немного и снова передает флягу тебе. Ты чувствуешь себя немного глупо и делаешь указанные два глотка. [Дальше](#).

Ты решительно пихаешь флягу Волегу:

— Сам сначала отпей!

Тот немного теряется, потом понимает:

— Что, боишься, отравим? Ну-ну, я б тоже поостерегся такое пить. Пахнет зверски, а? Ладно, давай.

Он берет, отпивает немного и снова передает флягу тебе. Ты чувствуешь себя немного виноватым — сколько ж можно доброму человеку не верить — и делаешь указанные два глотка. [Дальше](#).

И тут ты слышишь отчаянный крик Акки:

— Ты что делаешь, дубина! Ты уже свое выпил, нельзя тебе больше!

Ты вздрагиваешь, но тут понимаешь, что она кричала на брата. Она кидается к внезапно побледневшему Волегу и испуганно смотрит в его глаза. Тот вяло отбивается:

— Да ничего мне не будет, всего-то капельку...

— Ох, дурак... — шепчет Акка.

Ты чувствуешь, как боль уходит и мысли проясняются — и понимаешь, что произошло. Должно быть, Волег уже пил зачем-то сегодня этот взвар — а теперь он и отравиться может. Эх, совсем худо вышло. Видно, он сильно виноватым себя чувствует. Ну ладно, сам большой, не тебе за ним следить. А у тебя свое дело есть. [Дальше.](#)

Ты подаешь голос:

— Я пойду тогда?

Они поворачиваются к тебе.

— А ты куда идешь-то? Может, нам по дороге будет?

Ты рассказываешь о синекрыле.

— Синекрыла не видали... — задумчиво тянет Волег. — Но он в такую жару, небось, пить захочет. А они бегучую воду не любят, только стоячую, так что к речке тебе идти толку нету. Тут озерко поблизости вроде было? — он вопросительно глядит на тебя и на сестру. Та только пожимает плечами.

— Почему было, есть, — соглашаешься ты. — Думаешь, там он?

— Если не там, то тебе его не найти, — решительно говорит Акка. — Пошли вместе, там, глядишь, и нам дело найдется, посмотрим, кто там гнездится. Давай, показывай дорогу. А я сказку расскажу интересную, про обратней, чтобы путь скоротать. [Дальше](#).

— Я тебе не дитё малое, побасенки слушать, — ворчишь ты, поднимаясь на затекшие ноги. — Ладно, пошли.

— Не хочешь сказку про оборотней, будет тебе сказание о порождениях тьмы, — с улыбкой соглашается она. — Сказание и умудренному годами мужу послушать не зазорно будет, — и заводит рассказ.

Ты понимаешь, что она шутит над тобой, но и пусть ее. Ведь ты на самом деле любишь сказки, а эту ты, похоже, еще не слышал...

[Послушать.](#)

— Одни говорят, будто оборотни рождаются из людей от укусов себе подобных, другие толкуют, будто оборотней порождает вековечная ночная мгла — и все они и правы, и неправы. Оборотни рождаются из раненых людей — но разят их не другие оборотни, а люди. Оборотней порождает мгла — но не мгла ночи, а лютая мгла человеческого жестокосердия... Вестимо также, что оборотни забирают детей, чтоб превращать их в своих слуг и себе подобных, но мало кто знает, что они берут лишь тех, кто уже принадлежит им...

Тут ты не можешь утерпеть:

— Это как это так?

— А ты послушай, — улыбается Волег. На его лицо уже вернулись краски, вот только дышит он как-то хрипловато.

Акка продолжает свой напевный рассказ. [Слушать](#).

Не тайна, что злодеев и лихих людей называют зверьми в человеческом облиции, но те, кто так говорят, не знают, насколько они правы. В таких людях живет зверь, который заставляет творить их дела лютые, неправедные — и они не в силах противиться воле его. Но зверь этот живет лишь в немногих людях. Откуда же он берется? А рождается он, как и было сказано, из людской жестокости.

Случается, что малое дитя, которому пришлось в жизни пережить больше боли и несправедливости, чем оно может вынести, перестает верить людям, и мечтает о звере, который стал бы ему надежным другом, товарищем, который бы наказал обидчиков. Дитя лелеет свою мечту, дорожит ей — и вызывает к жизни силы, ему неподвластные. Эти силы рвут его душу на части: одна часть продолжает жить жизнью человека, другая живет жизнью волка или иного зверя. Такое дитя может стать оборотнем... но лишь если ему помогут ему подобные. Человек с разорванной надвое душой обычно сходит с ума, не в силах жить в вечной борьбе с собой, или подпадает под власть зверя. Из таких и выходят самые лютые разбойники, от которых белый свет плачет.

Но бывает и так, что мятущегося ребенка, чья душа вот-вот разорвется надвое, находят оборотни. Они дают ему зелье, что помогает душе распасться — но не разорваться. Оно мирит между собой человека и зверя, так что они могут жить в согласии обе своих жизни. Со временем не только душа человека, но и его тело обучается жить двойственной жизнью — и тогда на земле появляется новый истинный оборотень — слияние человека и зверя, что может ходить и в шкуре, и в коже, может говорить и с людьми, и со зверьми, обладает силой зверя — и добротой человека...

[Дальше.](#)

— А ведь мы и пришли! — раздаётся голос Волега.

Ты вздрагиваешь. Акка так складно говорила, что ты заслушался и забыл, куда и зачем вы идёте. Диво, что ты их на место привел, не заплутал. Перед тобой лежит небольшое озерцо, опоясанное полосой камыша — но синекрыла нет и следа. Ты недовольно выговариваешь своим попутчикам.

— Да спит он где-нибудь в теньке, — отмахивается Волег. — Вот жара спадет — он по холодку и прилетит напиться. Ты лучше скажи, сказка-то понравилась? Акка мастерица слова выплетать. Ничего не напомнило?

Ты наново вспоминаешь сказку, примеряешь ее на себя... [Дальше](#).

...и тебя охватывает страх — она же про тебя и есть! А они, выходит, оборотни? За тобой явились? Но есть в этом страхе и частица восторга — если это про меня, значит, я смогу стать таким, как она сказала?

Акка внимательно смотрит тебе в лицо.

— Понял, да?

Ты поворачиваешься к ней и...

...страх пересиливает. [Дальше.](#)

...радость пересиливает. [Дальше.](#)

...грустно смеешься. [Дальше.](#)

Ты бросаешься бежать, не разбирая дороги, но Волег быстро догоняет тебя и сгребает в охапку. Ты вопишь, дергаешься, извиваешься, но он держит крепко.

— Успокойся! — кричит он тебе в ухо. — Прислушайся к себе! Ты же знаешь, что все это правда! Тебе наверняка уже снились сны! Мы знаем, что пришли слишком рано, но и ждать мы тоже не могли! Твой отец сходит с ума, однажды он совсем забудется и забудет тебя до смерти!

Но ты думаешь только о том, что они сейчас разорвут тебя на части или утащат к себе навсегда. [Дальше.](#)

Акка качает головой и достает из брошенного на траву заплечного мешка Волега рог и уже дважды знакомую флягу. Значит, опохмелить хотят. Уже подпоили! Если б ты только мог отбиться... хоть как-то...

Если у тебя есть оберег [Дальше](#).

Если ты можешь только вырываться и кричать [Дальше](#).

Ты вспоминаешь про оберег. Если ты уже пользовался им раньше. [Дальше](#).
Если ты воспользуешься им впервые [Дальше](#).

Уверенный в силе камня, ты берешься за оберег и твердым голосом приказываешь:

— Прочь!

Ты вспоминаешь про оберег. Конечно, он не от оборотней, но вдруг все же и их проймет, они же полузвери? Ты судорожно цепляешь пальцами подцепленный к рукаву камешек. Что ж там Мартел велел сказать?..

— Пусти! Отойди! **Прочь!**

Акка бросает настороженный взгляд на твою руку и только качает головой:

— Нет, так тебе нас не отпугнуть, мы же не звери. Может, все-таки подумаешь и добром согласи...

Она меняется в лице и смотрит куда-то поверх твоей головы. Ты чувствуешь, что хватка Волега ослабела и рывком выдираешься из его рук. Как бы страшно тебе ни было, ты все же бросаешь взгляд назад. [Дальше](#).

С Волегом творится что-то неладное: в расширенных глазах плещется непередаваемый ужас, он бьется в падучей и хрипит. Акка, забыв про тебя, бросается к нему.

— Он напугал твоего зверя! Ну зачем ты выпил зелье?!

Это последние ее слова, которые ты слышишь. Ты со всех ног бросаешься прочь от озерка. Ты так перепуган, что не разбираешь дороги. Когда ты немного приходишь в себя, то понимаешь, что стоишь где-то в чащобе и безнадежно заплутал...

Только к вечеру счастливая случайность выводит тебя к деревне. Искать синекрыла ты уже и не думаешь, где там его разглядеть в потемках... Тебе ничего не остается, как с пустыми руками брести домой, надеясь на отцовскую милость... [Дальше](#).

Выслушав твою историю, отец только сплевывает сквозь зубы: — Ты в самом деле думал, что я поверю твоим бредням, щенок?! Да ты ж, небось, проваландался весь день на речке со своими дружками! Ну погоди, ты у меня будешь знать, как отца обманывать!

Он железной рукой тащит тебя в сарай. Там он выбирает из дровницы полено поухватистее и начинает тебя колотить. Сначала ты пытаешься вырваться, но очень скоро невыносимая боль отнимает у тебя все силы бороться. Ты ждешь смерти как избавления... Перед тем, как испустить дух, ты вдруг вспоминаешь слова, оказавшиеся вещими:

— Твой отец сходит с ума, однажды он совсем забудется и забьет тебя до смерти...

КОНЕЦ

Ты отчаянно дергаешься, но Волег держит крепко, он куда как сильнее тебя. Акка зажимает тебе нос и, дождавшись, пока ты раскроешь рот для судорожного вдоха, ловко вставляет кончик рога тебе между зубов, а потом заливает в него едко пахнущее зелье. В этот раз оно кажется еще горьче, чем раньше. Чтобы не захлебнуться, ты вынужден глотать... Фляга быстро пустеет, и ты чувствуешь, что тебя неудержимо клонит в сон... [Дальше](#).

Ты вспоминаешь, как горько тебе живется с отцом, переводишь взгляд на брата с сестрой и несмело спрашиваешь:

— Так это правда? И вы пришли за мной? Или вы надо мной посмеяться решили?

Акка с Волегом обмениваются взглядами. Волег подходит поближе:

— Так ты нам веришь? И ты нас не боишься?

Ты сам себе удивляешься, но почему-то веришь им. Или очень хочешь поверить. По правде говоря, ты бы поверил и самому нечистому, если б тот пообещал защитить тебя от отца... Хуже, чем с ним, нигде не будет, даже у оборотней.

— Вы заберете меня к себе? - настойчиво повторяешь ты.

Волег качает головой.

— Не так все просто... Помнишь, Акка говорила про снадобье? Пара глотков помогает незрелым оборотням побороть растущее в них смятение, порожденное борьбой разделяющихся половин, и мыслить ясно, поэтому я и дал его тебе. Сам-то я, конечно, зря хлебнул, мы с моим оленем уже и так разделены — и теперь наши разумы не смогут соприкоснуться до вечера, а то и больше. Надеюсь, волков тут поблизости нет и его ничто не напугает, а то обезумеет от страха и решит убежать куда подальше, а тело-то не олень — человечье... Тут добра не жди. — Волег через силу улыбается, но видно, что ему не по себе. Он продолжает. — Если же выпить больше, то оно разделяет половинки души, создавая две новых. Вот только беда в том, что зелье способно лишь помочь тебе, но свою судьбу ты выбираешь сам.

— Сам? - непонимающе переспрашиваешь ты. [Дальше.](#)

— Когда ты выпьешь снадобье, ты заснешь, — вступает Акка. — И во сне тебе будет дан выбор, куда ты хочешь идти. Во сне ты не сможешь себе солгать, ты непременно ступишь на ту тропу, которой на самом деле принадлежит твое сердце... и не все выбирают жизнь оборотня, даже если они пили снадобье добровольно, с надеждой изменить свою судьбу.

Если ты предпочтешь стать человеком, нам придется уйти, мы не сможем увести тебя с собой. Когда ты проснешься, то будешь думать, что мы тебе только приснились. Но я надеюсь на лучшее, ведь твой отец сходит с ума, однажды он совсем забудется и забудет тебя до смерти, не надо бы тебе домой возвращаться... [Дальше](#).

— Домой я не вернусь! - твердо отвечаешь ты ей. - Давайте ваше зелье, я выпью!

— Лучше сядь, - советует Волег, доставая флягу из заплечного мешка и протягивая тебе. — Пей до конца, не бойся, тебе этого и нужно.

Ты берешь ее и делаешь несколько больших глотков. В этот раз оно кажется еще горьче, чем раньше. Фляга быстро пустеет, и ты чувствуешь, что тебя неудержимо клонит в сон. Акка с Волегом осторожно укладывают тебя на траву, и ты уносишься в сон, повторяя про себя «домой я не вернусь»...
[Дальше.](#)

— Ну все, пошутили и хватит. — ты резко обрываешь смех. — У меня своя забота, у вас — своя. Спасибо за хорошую байку, дорогу и впрямь скоротали, а теперь мне надо синекрыла ловить, а то отец мне всыплет, не вам, так что идите своей дорогой. Они непонимающе смотрят на тебя. — Ты не понял... — неуверенно говорит Акка. — Я же про тебя говорила. Ты и есть такой человек. Разве ты не видел снов? Разве ты не чувствуешь, что тебе нет покоя ни днем ни ночью, что что-то гложет тебя? Ты думаешь над ее словами и...

...веришь ей [Дальше](#).

...не веришь ей [Дальше](#).

— Ага, гложет! — огрызаешься ты. — Отцовские колотушки ноют! Идите отсюда, кому сказал!

— Но послушай же... Разве ты не хочешь уйти из дома? Ведь твой отец сходит с ума, однажды он совсем забудется и забудет тебя до смерти...

— Авось не забудет! — сердито отмахиваешься ты и идешь к озеру налаживать силки.

Ты не видишь, как за твоей спиной Акка и Волег обмениваются взглядами, и Акка чуть слышно говорит:

— Хватай его.

Волег быстро догоняет тебя и сгребает в охапку. Ты пытаешься вырваться, но тщетно. [Дальше.](#)

Акка качает головой и достает из брошенного на траву заплечного мешка Волега рог и уже знакомую флягу. Тебе вспоминается то, что ты слышал про оборотней и ты холодеешь от ужаса. Значит, они все-таки не шутили, они в самом деле оборотни! Сейчас опяят и уведут в вечное рабство! Если б ты только мог отбиться... хоть как-то...

Если у тебя есть оберег [Дальше](#).

Если ты можешь только вырваться и кричать [Дальше](#).

Узкая горная речушка быстро несет тебя куда-то вперед. Ты выныриваешь из ледяной воды, отплеываешься и очумело вертишь головой. Видимо, течение успело хорошенько приложить тебя головой об один из торчащих вокруг камней: ты совершенно не помнишь, как свалился в реку. Да это и не главная печаль — выбираться надо, да поживее!

Тут ты видишь, что на берегу кто-то есть. С одной стороны тебе яростно машет отец и что-то кричит. По другому берегу бежит за тобой молодой волк — он скулит на бегу и то и дело порывается залезть в воду и плыть тебе на выручку. Ты понимаешь, что это волк из твоих снов... Из-за излучины слышится нежный зовущий голос. Ты прислушиваешься — и сердце ёкает. Это же голос твоей матушки! Она жива! И как тебе могло примниться, будто она умерла прошлой зимой? Ты вглядываешься вперед — и видишь низко висящую над водой крепкую ветку. Что же ты будешь делать?

Погребешь к [отцу](#).

Погребешь к [волку](#).

Позволишь течению унести тебя за излучину, откуда раздается женский [голос](#).

Позволишь течению донести тебя до ветки и выберешься [сам](#).

Ты бы и рад выбрать другой путь, но боишься, что отец еще пуще озлится. Ты гребешь к отцу. Тот зашел по пояс в воду и ждет тебя. Когда ты подплываешь достаточно близко, он хватает тебя за шиворот и грубо вытаскивает на берег.

— Ах ты паценок! Какого лешего тебя сюда понесло?! Сапоги новые из-за тебя изгадил, чтоб тебе пусто было. Отвесив тебе пару затрещин, он не оборачиваясь идет прочь по тропинке, ты понуро плетешься следом. [Вдруг становится темно....](#)

Ты гребешь к волку. Тот бросается в воду навстречу тебе — и вот уже вы вдвоем боретесь с течением. Уставшие и иззябшие, вы кое-как добираетесь до берега, и ты крепко обнимаешь волка за шею.

— Как же я рад тебя видеть!

Но вдруг становится темно....

Течение несет тебя вперед, за излучину... и вдруг стихает. Тебя ласково качают волны широкого озера, вода теплая-претеплая, а с берега тебя окликает матушка.

— Что ж ты так заигрался, малыш? Пора и домой, я тебе блинов напекла!

Ты вылезашь из воды, и вы вместе, рука об руку идете домой... Тебя переполняет счастье... Но вдруг становится темно....

Ты решаешь, что вернее всего будет выбраться самому, без чужой помощи, и плывешь по течению, лишь изредка подгребая, чтобы не удариться о торчащие камни — и не спускаешь глаз с ветки. Дождавшись нужной минуты ты одним рывком выпрыгиваешь из воды и хватаешься за нее. Несколько отчаянных усилий — и ты уже сидишь верхом на ветке в полной безопасности. Пора бы и на землю слезать, **но вдруг становится темно...**

Ты не понимаешь, как оказался в этом незнакомом лесу. Вокруг стоят исполинские деревья, каких ты никогда не видел. Над головой грозятся черные тучи, ливень больно хлещет даже сквозь одежду. Ты слышишь зовущие тебя голоса и напряженно оглядываешься по сторонам, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь пелену воды. Неподалеку от тебя лежит на земле твой отец. Его придавило упавшим деревом, он скребет руками землю, но по всему видно, что выбраться сам он не может. Он поднимает голову, видит тебя и властно зовет к себе.

С другой стороны доносится жалобный вой. Ты поворачиваешься на звук и видишь волка — его лапа попала в капкан. Он с мольбой глядит на тебя.

И тут порыв ветра приносит отчаянный крик женщины, в котором ты безошибочно узнаешь голос матери. Она зовет на помощь!

Пока ты переминаешься на месте, не зная, куда бежать, начинается град. Огромные градины величиной с голубиное яйцо так и сыплются с неба. Одна попадает тебе прямо по темечку — и ты понимаешь, что такое «искры из глаз посыпались». Что же ты будешь делать?

Поможешь [отцу](#).

Поможешь [волку](#).

Кинешься на помощь [матери](#).

Решешь поискать убежище [для себя](#).

Ты и рад бы бежать отсюда, но знаешь, что отец тебе это потом припомнит и не раз. Так что ты опрометью кидаешься к нему и начинаешь оттаскивать упавшее дерево. Мокрые ветки хлещут тебя по лицу, отец ругается на чем свет стоит, а ты с тоской думаешь о том, что даже если тебе удастся его вытащить, благодарности ждать не придется... [Дальше](#).

Ты кидаешься на помощь волку. Подобрал с земли жердину покрепче, ты разжимаешь зубы капкана. Волк взвывает от боли и кусает тебя за руку, но тут же виновато прижимает уши и принимается зализывать рану. Ты с легким сердцем прощаешь его — ты знаешь, как он тебе предан... [Дальше](#).

Ты бежишь на слабый голос и с радостью понимаешь, что не ошибся: он становится отчетливее. Ты добегаешь до обрыва и видишь свою мать. Она сорвалась с края и отчаянно пытается забраться наверх, но мокрая глина скользит под ногами, а куст, за который она цепляется, вот-вот вырвется из земли. Ты протягиваешь ей руку и с немалым трудом вытягиваешь повыше, где ей удастся нащупать верную опору под ногами. Еле отдышавшись, она обнимает тебя и шепчет:

— Спасибо, сынок...

Как же ты тосковал по ее объятьям... [Дальше.](#)

— Если я сейчас слягу под этим градом, то никому помочь не смогу! — думаешь ты, но понимаешь, что врешь сам себе. На самом деле ты просто не хочешь рисковать своей шкурой ни ради кого из них. Ты на удивление легко находишь дерево с большим дуплом, забираешься в него и ждешь, когда кончится ненастье... [Дальше](#).

Уже знакомая тьма накрывает тебя, а когда она рассеивается, ты стоишь посреди широкой степи. Жаркий ветерок играет хвостиками ковыля, воздух напоен сухими запахами степных трав. Ты видишь перед собой распутье трех дорог... а, нет, четырех.

На двух широких торных дорогах стоят твой отец и волк. Тонкая стежка уводит в сторону, на ней поодаль стоит твоя мать. Еще одна тропинка, та которую ты заметил последней, уходит куда-то тебе за спину, на ней стоишь ты сам.

Что-то подсказывает тебе, что этот выбор — последний, судьбоносный. Куда же ты пойдешь?

К [отцу](#).

К [волку](#).

К [матери](#).

Уйдешь [назад](#).

Быть может, ты бы и рад выбрать другой путь, но ты знаешь, что куда бы ты ни пошел, рано или поздно отец найдет тебя и сурово накажет за ослушание. Ты вдруг понимаешь, что уже давно смирился со своей судьбой и тебе от нее не уйти... С тяжелым сердцем, едва передвигая ноги, ты идешь по дороге, на которой тебя ждет отец... [Дальше](#).

На берегу озера лежат два распростертых тела: мальчика и Акки. Волег сидит рядом, сторожко глядя на спящих. Наконец Акка открывает глаза и с усталым вздохом поднимается с земли. Она ловит выжидающий взгляд названного брата и печально качает головой:

— Он слишком сжился со своим страхом... Его душа уже почти мертва, обе половины...

— Может, тогда?.. — Волег нерешительно тянется к ножу на поясе.

— Нет, — останавливает его Акка. — Он должен жить. Он выбрал жизнь, пусть и такую жизнь. Нельзя отнимать у него его выбор. Беда только, что синекрыла он не найдет... Про воду стоячую-бегучую мы ведь ему байку наплели. — Она с состраданием смотрит на мальчика. — Только безумец мог послать сына в лес на заведомо безнадежный поиск одной-единственной птицы. И позвать уже не успеем...

— И не надо, — отзывается Волег. — Я его уже позвал. Употел весь, зелье-то еще действует. Сам бы не справился, да сороки помогли, они на яркое падки. Скоро прилетит, думаю, и к воде спустится. В руки, конечно, сам не пойдет, но, думаю, паренек справится.

— Слава праматери! Ну, теперь мне за него спокойнее будет. А теперь идем, он скоро проснется. [Дальше](#).

Ты просыпаешься на берегу озера и растерянно крутишь головой. Ну и сон приснился! Видно, сильно голову напекло, раз даже не помнишь, каким ветром тебя занесло к озеру. Или, может, я во сне сюда и пришел, полусу-тя думаешь ты про себя. И тут краем глаза ты замечаешь синий отблеск. Синекрыл! Он прилетел к озеру напиться! Надо скорее снарядить силок!

Ты торопливо проводишь рукой по поясу, думая отвязать с него веревку — и внутри у тебя все обмирает. Веревки нет... Теперь тебе ни за что не поймать птицу... [Дальше.](#)

Но тут ты вспоминаешь, что у тебя при себе была не только веревка. [Дальше.](#)

Ты все же пытаешься приманить синекрыла крошками хлеба и поймать его рубахой — но верткий голубь играючи уворачивается от тебя и исчезает в небе. Навсегда... Тебе ничего не остается, как с пустыми руками брести домой, надеясь на отцовскую милость... [Дальше](#).

Ты благодаришь судьбу за то, что не поленился завернуть к травнице. Подманив птицу крошками, ты сноровисто набрасываешь на нее сеть и с легким сердцем идешь домой. Но дома твоя радость гаснет под тяжелым взглядом отца:

— Что так долго провозился? Да еще и все перья ему истрепал... А ну, иди сюда, я тебе покажу, как надо птиц ловить!

Тем вечером ты долго вертишься на лавке, дожидая, пока сон пересилит боль в ухе, по которому пришлась отцовская оплеуха. И снова и снова тебе на ум приходят слова из твоего сна:

— Твой отец сходит с ума, однажды он совсем забудется и забьет тебя до смерти...

КОНЕЦ

Ты не обращаешь внимания на оклики, идешь напрямик к терпеливо ждущему тебя волку и опускаешься рядом с ним на колени. — Ну здравствуй, друг, — тихо говоришь ты, глядя в желтые глаза. — Наконец-то мы с тобой вместе... И вы бок о бок идете вперед по широкой торной тропе... [Дальше](#).

На берегу озера лежат два распростертых тела: мальчика и Акки. Волег сидит рядом, сторожко глядя на спящих. Наконец Акка открывает глаза и с усталым вздохом поднимается с земли. Она ловит выжидающий взгляд названного брата и радостно кивает:

— Он выбрал нужный путь! Подождем немного, скоро он проснется.

Мальчик вздрагивает и открывает глаза. Глаза цвета старого меда... [Дальше](#).

Ты открываешь глаза и видишь перед собой улыбающиеся лица Акки и Волега.

— А ну, закрывай глаза сейчас же! — весело велит Акка. — Знакомиться будете! Ты не очень понимаешь, о чем речь, но слушаешься. Перед закрытыми веками ты вдруг видишь посапывающего волка. Ты мысленно зовешь его по имени, тому имени, что придумал для него давным-давно:

— Нерк! Тот приоткрывает желтые глаза, зевает и сонно отвечает:

— Рао... - и снова погружается в сон. Ты немного теряешься, но чувствуешь, как тебя осторожно треплют по плечу, открываешь глаза и недоуменно смотришь на брата с сестрой.

— Ему нужно поспать, - объясняет Волег. — Он ведь, в отличие от тебя, только-только родился. Ну, и как тебя теперь зовут?

— Рао... — улыбаешься ты. В твоей душе царит удивительный покой, ты твердо знаешь, что теперь все будет по-иному, что ты навсегда освободился от страха перед отцом и тебя ждет новая удивительная жизнь, не лишенная опасностей и горя, но настоящая жизнь, а не то жалкое ее подобие, в котором ты мыкался до сих пор.

— Смотри-ка, твой синекрыл прилетел! — показывает Акка. — Ловить будешь?

— Нет, пускай летит... Говорят, синекрыл приносит счастье. Меня он им уже наделил, может, еще кого порадует... Ты провожаешь птицу взглядом и спрашиваешь:

— Куда теперь?

КОНЕЦ

От отца добра ждать не приходится, волк хоть и предан тебе, но он всего лишь зверь, а ты так устал быть один... Жива она или нет, твоя мать стоит на заросшей тропинке и зовет тебя к себе. Она всегда была добра к тебе, а ты так истосковался по ласковому слову... Ты идешь к ней по едва заметной тропке сквозь щекочущие ноги волны ковыля. Она обнимает тебя и уводит за собою. В ее теплых объятьях ты навсегда забудешь обо всех своих печалях и горестях... [Дальше.](#)

На берегу озера лежат два распростертых тела: мальчика и Акки. Волег сидит рядом, сторожко глядя на спящих. На губах мальчика вдруг появляется улыбка, и Волег решает, что это добрый знак. Но тут Акка открывает глаза и с усталым вздохом поднимается с земли. Она ловит вопрошающий взгляд названного брата и ее лицо перекашивается:

— Мы сделали только хуже! Он так устал от жизни, что не хочет возвращаться, его душа ушла за смертный порог! Это больше не он, остался лишь дышащий кусок мяса!

Она кидает взгляд на улыбающегося в забытьи мальчика и горько кривится:

— Прости нас, малыш. По крайней мере, ты умер счастливым. Единственное, что я могу для тебя сделать — это подарить покой и твоему телу. Нельзя, чтобы тебя расклевали птицы и изгрызли волки. Иди, вырой могилу, — отрывисто бросает она Волегу. Тот поднимается и уходит. Акка вздыхает и точным смертоносным движением вонзает нож в тело, которое навсегда покинула душа.

КОНЕЦ

Ты криво усмехаешься, глядя на выбор, который якобы дала тебе судьба. Мать давно мертва, тебя манит лишь призрак. Волка никогда не существовало, ты слишком много знаешь о жизни, чтобы верить даже в собственные грезы. Отец... Да ты бы убил его, если мог, только сил не хватает!

Ты плюешь себе под ноги, решительно разворачиваешься и идешь по дороге, ведущей прочь от них всех... [Дальше](#).

На берегу озера лежат два распростертых тела: мальчика и Акки. Волег сидит рядом, сторожко глядя на спящих. Наконец Акка открывает глаза и с усталым вздохом поднимается с земли. Она ловит выжидающий взгляд названного брата и печально качает головой:

— Его зверь уже слишком силен. Им не удалось разделиться, он сам уже почти безумен... Приготовь его, а? Устала я...

Она поднимает с земли заплечный мешок и достает оттуда крошечную скляницу, в то время как Волег ловко распарывает на мальчике легкую одежку. Акка вливает ему в рот несколько отсчитанных капель. Они садятся рядом и ждут. Проходит немало времени, и вдруг голое тело начинает биться в судорогах.

— Держи его! Язык откусит!

Корчи скоро прекращаются. Акка и Волег крепко держат за лапы молодого лобастого волка. Они отпускают его, и Акка издает череду подвываний и поскуливаний. Волк внимательно слушает, а потом спокойно садится рядом. Он готов идти с ними.

— Людские баюны не так уж лгут, когда говорят, что мы опаиваем детей и превращаем леший знает во что, — криво усмехается Волег. — Жаль, они не знают, почему нам иногда приходится это делать.

— Чем та жизнь, что была у него, лучше уж волчья, — раздумчиво говорит Акка. — Будет бегать в нашей стае, глядишь, и вожаком однажды станет...

КОНЕЦ